

БОЛЬШИЕ
NF
КНИГИ

Владимир
Набоков

ЛЕКЦИИ
ПО ЗАРУБЕЖНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

Санкт-Петербург

УДК 82(091)
ББК 83.3(0)
Н 14

Vladimir Nabokov
LECTURES ON LITERATURE
Copyright © 1980 by the Estate of Vladimir Nabokov
Editor's foreword copyright © 1980 by Fredson Bowers
Introduction copyright © 1980 by John Updike
Published by special arrangement
with Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company
All rights reserved

Перевод с английского
Сергея Антонова, Инны Бернштейн, Виктора Гольшера,
Григория Дашевского, Елены Касаткиной, Наталии Кротовской,
Валентины Кулагиной-Ярцевой, Марии Мушинской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

- © С. А. Антонов, перевод, 2009
- © И. М. Бернштейн (наследник), перевод, 2022
- © В. П. Гольшев, перевод, 1998
- © Г. М. Дашевский (наследник), перевод, 2022
- © Е. Н. Касаткина, перевод, 1998
- © Н. Г. Кротовская, перевод, 1998
- © В. С. Кулагина-Ярцева, перевод, 1998
- © М. С. Мушинская, перевод, 1998
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-21349-4

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

«В 1940 году, прежде чем начать свою академическую карьеру в Америке, я, к счастью, не пожалел времени написание ста лекций — около двух тысяч страниц — по русской литературе, а позже еще сотни лекций о великих романистах — от Джейн Остен до Джеймса Джойса. Этого хватило на двадцать академических лет в Уэлсли и Корнелле»¹.

Владимир Набоков прибыл в Америку в мае 1940 года. За работой выездным лектором Института международного образования и чтением курса русской литературы в летней школе при Стэнфордском университете последовали годы, проведенные в колледже Уэлсли, — с 1941-го по 1948-й. Первоначально он являлся единственным преподавателем на отделении русистики Уэлсли и читал там курсы стилистики и грамматики; кроме того, он подготовил обзорный курс по русской словесности в переводах («Русская литература № 201»). В 1948 году Набоков получил место доцента отделения славистики Корнеллского университета, где им были прочитаны лекционные курсы «Мастера европейской прозы» («Литература № 311–312») и «Русская литература в переводах» («Литература № 325–326»). Аннотация первого из них почти наверняка написана самим Набоковым: «Будут изучаться избранные английские, русские, французские и немецкие романы и рассказы девятнадцатого и двадцатого столетий. Особое внимание будет уделено индивидуальному дарованию и вопросам структуры произведений. Все иноязычные сочинения будут читаться в английских переводах». Этот курс включал «Анну Каренину», «Смерть Ивана Ильича», «Мертвые души», «Шинель», «Отцов и детей», «Госпожу Бовари»,

¹ *Nabokov V. Strong Opinions. N. Y.: McGraw-Hill, 1973. P. 5. — Пер. М. Дадяна.*

«Мэнсфилд-парк», «Холодный дом», «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда», «В сторону Свана», «Превращение» и «Улисса»¹. К преподаванию американской литературы Набоков в Корнелле допущен не был, поскольку не состоял на английском отделении. Весной 1952 года он читал лекции в Гарвардском университете в качестве приглашенного преподавателя.

Оставив преподавание в 1958 году, Набоков позднее планировал опубликовать книгу, основанную на материале его лекций, однако так и не начал претворять этот замысел в жизнь. (Лекции о «Мертвых душах» и «Шинели» вошли в текст книги «Николай Гоголь», изданной в 1944 году.) Предлагаемые читательскому вниманию тома² содержат набоковские лекции в том виде, в каком они читались в аудитории. Не говоря уже о том счастливом обстоятельстве, что в данном случае мы имеем дело с отзывами о шедеврах четырех литератур, принадлежащими крупнейшему писателю, его лекции заслуживают внимания широкой публики потому, что они являются надежным путеводителем по искусству художественной прозы как таковому. С пренебрежением относясь к трактовкам литературы с точки зрения школ и направлений и презирая критиков, видящих в ней средство общественно-политических посланий, Набоков стремился показать, как *работает* то или иное выдающееся произведение: «В годы моей преподавательской деятельности я давал своим студентам точные сведения о деталях, о таких сочетаниях деталей, которые способны озарить произведение, высечь искру, ибо без нее оно мертво. В этом плане общие идеи не имеют никакого значения. Любой осел способен понять отношение Толстого к адюльтеру, но чтобы наслаждаться его искусством, настоящий читатель должен представить себе, к примеру, каким был вагон ночного поезда «Москва—Петербург» сто лет назад. И тут лучше всего помогают чертежи. Вместо того чтобы увековечивать претенциозную чушь, которую педагоги несут, тщась истолковать названия глав — как гомеровские, хроматические и относящиеся к внут-

¹ Госпожа Набокова убеждена, что курс «Литература № 311–312» включал также Чехова, однако в студенческих конспектах, с которыми мы сверялись, разделы о нем отсутствуют. Возможно, что лекции о Чехове читались не каждый год.

² Здесь и далее речь идет не только о настоящем томе, но также о книге «Лекции по русской литературе». — *Прим. пер.*

ренному содержанию этих глав, — лучше бы они запаслись картами Дублина, где отчетливо прослеживались бы точки пересечения маршрутов Блума и Стивена. Если не представлять себе заросли лиственницы в романе „Мэнсфилд-парк“, он потеряет свое стереографическое очарование, а если студент не представит себе фасад дома доктора Джекила, он не получит подлинного удовольствия от рассказа Стивенсона»¹.

Тексты лекций, собранные в этих томах, представляют собой плод преподавательской деятельности Набокова в Уэлсли и Корнелле — за исключением четырех, подготовленных для иных случаев. Ради удобства чтения они распределены на два тома, один из которых посвящен британским, французским и немецким писателям, а другой — русским.

В сентябре 1953 года, на первой лекции курса «Литература № 311», Владимир Набоков попросил студентов письменно объяснить, почему они выбрали именно этот курс. В следующем классе он с одобрением зачитал один из ответов: «Потому что мне нравятся сказки».

Принципы подготовки текста

Невозможно, да и бессмысленно скрывать тот факт, что ниже следующие очерки представляют собой расшифровку записей Владимира Набокова, которые он зачитывал вслух перед студенческой аудиторией, и что их нельзя рассматривать в качестве законченной литературной работы наподобие той, в которую превратились его лекции о Гоголе, подвергшись ревизии и став частью посвященной этому писателю книги. Упомянутые записи очень разнятся по степени готовности и окончательной отделке текста и даже по своей структурной завершенности. Большая часть их сделана рукой Набокова, с отдельными вкраплениями машинописи, принадлежащими его жене Вере и призванными облегчить процесс чтения; но некоторые тексты целиком написаны от руки, в частности лекции о Стивенсоне и Кафке и практически весь раздел о Джойсе. Раздел о «Холодном доме» в этом отношении крайне неоднороден, но рукописный текст все же

¹ *Nabokov V. Strong Opinions. P. 156–157. — Пер. А. Г. Николаевской.*

преобладает. Поскольку на рукописных страницах сохранился каждый знак исходного чернового текста, у Набокова была возможность позднее перерабатывать его, расширяя во всех направлениях, — не только при перебелке, но и при последующем просмотре написанного, когда он в силу тех или иных причин корректировал как стиль, так и содержание своих лекций. Однако изменения — будь то замены или простые добавления — не всегда обнаруживают полное синтаксическое соответствие контексту, более того, необходимая в таких случаях унификация текста не производилась. В результате в тех местах, где правка была значительной, рукописные части текста нередко требуют редакторского вмешательства, дабы сделать пригодным для чтения то, что в устном исполнении без труда исправлялось на ходу или вовсе могло пройти незамеченным слушателями.

С другой стороны, машинописные страницы могут составлять значительную часть лекции, как это имеет место в случае с «Мэнсфилд-парком», но более всего — в разделе о «Госпоже Бовари». Бросающийся в глаза контраст между эскизностью, отсутствием отделки рукописного текста (даже когда в нем есть следы правки) и сравнительной гладкостью машинописного заставляет думать, что, печатая фрагменты лекций мужа, госпожа Набокова могла свободно принимать те редакторские решения, которые шли на пользу процессу публичного чтения. Это оставляло Набокову возможность впоследствии перерабатывать те или иные страницы машинописи, добавляя новые комментарии или исправляя неудачные фразы.

В общем и целом было бы бессмысленно предлагать читателям эти записи в их наличной структуре и стилистике. Раздел о Стивенсоне существует лишь в виде черновых заметок, и, соответственно, за представленную в книге организацию его материала едва ли не целиком ответствен редактор. В других лекциях, впрочем, общий порядок изложения, как правило, не вызывает вопросов, поскольку он обычно соответствует хронологическому принципу, проведенному через всю книгу. Возникают, однако, трудности, из-за которых процесс подготовки текста осложняется необходимостью синтеза и редактирования. Так, мы имеем дело с разнообразными, не связанными друг с другом подборками страниц в отдельных папках — подготовительными заметками, которые делались на начальных этапах работы и либо не были

уничтожены, либо подверглись правке и затем были включены в текст лекций. Однако назначение других таких самостоятельных частей не столь ясно, и не всегда можно с уверенностью сказать, отражают ли они поэтапное расширение текста вследствие ежегодной лекционной практики, или же это лишь наброски, которые предполагалось использовать в будущем. Определенные проблемы структурного характера влечет за собой наличие в некоторых лекциях добавленных или дублирующих частей, возможно адресованных иному типу слушателей. Всякий раз, когда это представлялось возможным, редактор стремился сохранить для читателя весь подобный материал, неявно подготавливающий и предваряющий основной текст, и инкорпорировал его в соответствующие по смыслу места лекционных рассуждений. Вместе с тем в книгу не вошли страницы с цитатами из критики, которые госпожа Набокова печатала для лекций о Прусте, Джейн Остен, Диккенсе и Джойсе, а также таблицы с расчетами сюжетного времени в обсуждаемых романах, составленные Набоковым для того, чтобы сверяться с ними при подготовке лекций.

Однако структура текста порождает и более серьезные проблемы, нежели собирание и инкорпорирование пригодного материала из набоковского «архива». Во многих лекциях Набоков перемежал свой хронологически выстроенный рассказ разрозненными наблюдениями касательно темы, стиля или влияния. Где именно предполагалось их поместить, как правило, неясно; более того, зачастую эти наблюдения носят незавершенный характер и являются не более чем краткими набросками, однако некоторые из них, напротив, представляют собой прелестные миниатюрные эссе. Редактору всякий раз приходилось решать, включать их в текст целиком, добавляя необходимые формальные связки, или — в тех случаях, когда материал этих наблюдений слишком фрагментарен, — помещать их элементы в какие-то другие, подходящие по смыслу места текста. Например, представленный в книге пассаж о разговоре Стивена с мистером Диззи в главе 2 первой части «Улисса» собран из трех разных частей рукописи. Основополагающая цитата, видимо, не зачитывалась в аудитории (в настоящем томе она приведена по инициативе редактора), но студенты, держа перед собой открытые книги, могли сверяться с ее ключевыми моментами, которые Набоков обсуждает в следующем абзаце, говоря о раковине святого Иако-

ва (см. с. 379 наст. изд). Дальнейший же текст взят из другого отрывка, который начинается замечаниями о структуре, продолжается различными высказываниями о достоинствах и недостатках романа, о параллелизме его тем, а завершается наблюдениями о разговоре Стивена с мистером Дизи — разговоре, понимаемом как иллюстрация флюберовского контрапункта, и о пародийности стиля Джойса, с цитатой из письма Дизи в качестве примера. Таким образом, везде, где это позволял материал, редактор имел возможность расширять лекционный текст и, исходя из контекстуальной близости, сохранять максимум набоковских суждений об авторах, их произведениях и искусстве литературы в целом.

Цитация играет существенную роль в преподавательском методе Набокова — она призвана помочь донести до слушателей его представления о литературном мастерстве. Настоящее издание последовательно воспроизводит эту особенность набоковского метода (исключая случаи за пределами объемных цитат-иллюстраций), ибо цитация в высшей степени полезна и для напоминания читателю тех или иных страниц известной ему книги, и для первого знакомства с нею под умелым руководством Набокова. Соответственно, цитаты обычно даются непосредственно за набоковскими наказами прочесть определенный фрагмент текста (как правило, отчеркнутый также в его собственном рабочем экземпляре книги) — с целью вызвать у читателя ощущение соучастия в рассуждениях лектора, создать «эффект присутствия» его в учебной аудитории в качестве слушателя. В ряде случаев упомянутые рабочие экземпляры содержат пометки, говорящие о намерении Набокова процитировать то или иное место, которое, однако, не было впоследствии упомянуто в лекционном тексте. Там, где эти цитаты представлялось возможным ввести в текст в помощь читателю, это было сделано. Несколько таких цитат, не упомянутых ни в лекциях, ни в рабочих экземплярах, были тем не менее отобраны и включены в текст в тех случаях, когда, на наш взгляд, требовалось проиллюстрировать высказывания Набокова. Его лекционная практика предполагала, что студенты следят за ходом рассуждений преподавателя, держа на столах в раскрытом виде анализируемые книги, и, соответственно, при необходимости могут сверяться с текстами, ориентируясь на его указания; читатель данной книги, лишенный такой возможности, должен быть взамен обеспечен дополнительным

набором цитат. Финальный монолог Молли в «Улиссе» — характерный тому пример. Совершенно особый случай, однако, имеет место в конце раздела, посвященного Прусту. Набоков выбрал в качестве материала для рассмотрения первый том эпопеи «В поисках утраченного времени» — «В сторону Свана». Последняя лекция о Прусте завершается обширной цитатой из размышлений Марселя в Булонском лесу о собственных воспоминаниях былого — размышлений, которыми заканчивается роман. Это впечатляющий финал, но он оставляет Марселя (а с ним и читателя) лишь на начальном отрезке пути к полноте понимания функций и свойств памяти как ключа к реальности, в обретении которой и заключается смысл «Поисков...». Размышления в Лесу — только один из множества способов созерцать прошлое, которые, шаг за шагом достраивая восприимчивость Марселя, готовят его к финальному переживанию, раскрывающему ту реальность, поиски которой были описаны в предыдущих томах эпопеи. Это переживание Марсель испытывает в великой третьей главе («Прием у принцессы де Германт») «Обретенного времени» — заключительного тома «Поисков...». Поскольку открытие, совершаемое в этой главе, является ключом к совокупному смыслу целой серии романов, всякий анализ Пруста, игнорирующий это обстоятельство и не акцентирующий различие между пышным цветением прустовской эпопеи и первым зерном, которое посеяно в романе «В сторону Свана», не достигает важнейшей из своих целей. Хотя набоковские лекции о Прусте завершаются цитатой из эпизода в Лесу, выбранная наугад пара фраз, не связанных напрямую с лекционным материалом, заставляет думать, что он мог обсуждать их со студентами, — главным образом потому, что обширные машинописные цитаты из книги Деррика Леона о Прусте посвящены по преимуществу финальному эпизоду «Обретенного времени» и его объяснению. «Разобщающее» замечание Набокова: «...букет чувств в настоящем и при этом созерцание минувшего события или ощущения — вот когда сходятся чувства и память и обретается утраченное время», — является верным по сути и великолепно по форме описанием прустовской темы; но едва ли оно окажется достаточно внятным для того, кто не читал последний том эпопеи, если не приводить исчерпывающего объяснения, которое дает в «Обретенном времени» сам Пруст. Посему в этом исключительном

случае редактор счел возможным расширить концовку лекции и подкрепить незавершенные заметки Набокова цитатами из финального тома «В поисках утраченного времени»: дабы более точно передать смысл снизошедшего на Марселя озарения, мы дополнили лекционный текст выдержками из прустовского описания того, как воспоминание превращается в реальность и в материал для литературы. Редакторские наращения в этой части следуют духу набоковских заметок и призваны завершить круг истолкования романа «В сторону Свана», который, помимо всех прочих его аспектов, в самом своем замысле является отправной точкой романного цикла.

Читателю этих лекций¹ следует принять во внимание, что в цитатах из Флобера нередки изменения и уточнения, которые Набоков внес в свой рабочий экземпляр перевода и которые проходят через весь текст; исправления, сделанные в переводах Кафки и Пруста, носят менее систематический характер.

Все использовавшиеся Набоковым экземпляры книг, рассмотрению которых посвящен этот том, сохранились. Как уже было сказано, переводные тексты содержат сделанные рукой Набокова пометки между строк или на полях с его собственными переводами отдельных слов и предложений. Во всех этих книгах отчеркнуты фрагменты текста, предназначавшиеся для цитирования, и сделаны заметки контекстуального характера, большая часть которых представлена и в рукописях лекций, хотя некоторые из них говорят о намерении Набокова сделать какое-то устное замечание насчет стиля или содержания конкретного отрывка. Во всех случаях, когда это представлялось возможным, комментарии из набоковских экземпляров были перенесены в соответствующие по смыслу места лекционного текста.

Набоков ясно сознавал необходимость выстраивать каждую отдельную лекцию таким образом, чтобы при чтении она укладывалась в установленный для аудиторных занятий пятидесятиминутный промежуток, и в его записях обнаруживаются маргиналии, означающие временную разметку материала. В самом

¹ Это замечание редактора адресовано читателям англоязычного текста лекций и практически нерелевантно для настоящего издания, в котором цитируются имеющиеся русские переводы анализируемых Набоковым произведений. — *Прим. пер.*

тексте лекций есть ряд фрагментов и даже отдельных фраз, заключенных в квадратные скобки. Некоторые из этих скобок, как представляется, отграничивают материал, который мог быть опущен при недостатке времени. Другими, возможно, обрамлены фрагменты, вызывавшие у Набокова сомнение скорее по содержанию или стилистическим причинам, чем в силу временных ограничений; и как мы видим, некоторые из этих сомнительных мест были впоследствии удалены, иные же, напротив, сохранены в тексте и заключены в круглые скобки. В настоящем издании весь подобный материал, не подвергшийся удалению, аккуратно воспроизведен, однако обрамлявшие его круглые скобки редактор предпочел опустить, дабы не перегружать читательское восприятие¹. (...) С другой стороны, некоторые комментарии Набокова, адресованные исключительно его студентам и зачастую касавшиеся сугубо педагогических вопросов, опущены по причине их несоответствия задачам данного издания (которое, впрочем, и без того позволяет читателю сполна ощутить атмосферу, царившую на лекциях). Среди подобных пропусков можно упомянуть объяснения таких самоочевидных вещей, как «Триест (Италия), Цюрих (Швейцария) и Париж (Франция)» в лекциях о Джойсе, предписания пользоваться словарем для поиска незнакомых слов и другие аналогичные комментарии, уместные в студенческой аудитории, но никак не на книжных страницах. В книге в целом сохранены всевозможные «вы», «вам» и т. д., подразумевающие слушателей и в определенных речевых ситуациях приемлемые для обращения к читателям; однако в ряде случаев они все же были заменены на более нейтральные формы адресации.

В стилистическом отношении большая часть этих текстов никоим образом не является воплощением слога и синтаксиса Набокова (как это, безусловно, было бы, если бы он сам готовил книгу к печати), ибо существует заметная разница между общим стилем этих аудиторных записей и блестящим языком несколь-

¹ В представляемом русском издании квадратные скобки использованы внутри цитат для кратких пояснений контекстуального характера, принадлежащих редакторам английского и русского текстов. Внутритекстовые замечания, наблюдения и уточнения самого Набокова даются в круглых скобках курсивом. — *Прим. пер.*

ких опубликованных набоковских лекций. Поскольку лекции, представленные в настоящем томе, создавались для аудиторного исполнения и не предполагались к публикации без основательной переработки, было бы чрезмерным педантизмом стараться воспроизвести тексты *буквально*, расшифровывая каждый знак из довольно эскизного порой рукописного наброска. Редактору печатного издания позволительна определенная свобода обращения с нестыковками, авторскими оговорками и лакунами — в последнем случае подразумевающая необходимость добавлять отдельные звенья для связи цитат. С другой стороны, ни один читатель не захочет получить перелицованный текст, в котором были бы заметны попытки бесцеремонным образом «улучшить» написанное Набоковым — даже если бы эти «улучшения» касались неотшлифованных автором фрагментов. Поэтому синтетический подход был решительно отвергнут, и опубликованный текст точно воспроизводит набоковский слог (за исключением случайных пропусков отдельных слов и нечаянных повторов, которые оставались невыправленными). В отдельных случаях, когда Набоков вписывал между строк добавления либо замены и при этом не исправлял и не вычеркивал прежний вариант, в тексте возникали стилистические или синтаксические противоречия, которые препятствовали чтению и требовали исправления. В нескольких местах синтаксические конструкции, вполне естественные в устной речи, нуждались в корректировке, обусловленной особенностями восприятия письменного текста. Незначительные неточности вроде случайных замен множественного числа единственным, описок, затрагивающих орфографию и пунктуацию, пропуска кавычек, открывающих или закрывающих цитату, варьирующегося написания строчных и прописных букв, ненамеренных словесных повторов и т. п. исправлялись без специальных оговорок. Исходя из того, что настоящее издание выходит в свет в Америке, используемые Набоковым (впрочем, не вполне последовательно) британские орфографические и пунктуационные варианты были соответствующим образом модифицированы. Крайне немногочисленные английские идиомы подвергались замене, но все пограничные случаи — такие как специфическое набоковское употребление глагола «grade» — оставлены без изменений. По большей части, впрочем, слова, которые могут вызвать сомнения у читателя, растолковывают-

ся в существующих словарях — Набоков был заботливым автором. {...}

Исправления и изменения осуществлены по умолчанию. Как нам кажется, для читателя не составляет никакой практической ценности знать, что, например, в одном месте лекции о Джойсе Набоков ошибся и написал «ирландец» вместо «ирландцы», а в другом неточно привел название гостиницы, где прежде жил Блум (заменив «Городской герб» на «Королевский герб»), и т. д. Таким образом, текст снабжен лишь небольшим количеством сносок, принадлежащих как самому Набокову, так и редактору, который стремился дополнить издание интересными наблюдениями, почерпнутыми в рукописях или рабочих экземплярах книг с набоковскими пометками, и при возможности добавлял их к лекционному материалу. Планы лекций и технические записи Набокова, часто делавшиеся по-русски, опущены — равно как и памятки орфоэпического характера, касающиеся произношения долгих гласных и расстановки ударений в тех или иных именах и редких словах. Случаи, когда в то или иное место лекционного текста вставлялся не предназначенный туда фрагмент, не оговаривались, чтобы не нарушать цельности восприятия того, что должно читаться как единый поток рассуждений.

Открывающее книгу эссе «О хороших читателях и хороших писателях» реконструировано из фрагментов вводной лекции, не имевшей названия и предварявшей разговор о «Мэнсфилд-парке» — книге, с рассмотрения которой начинался учебный семестр. Финальное «L'Envoi» представляет собой извлечение из завершавших семестр наблюдений Набокова, которыми он делился, окончив разговор об «Улиссе» и перед тем, как обратиться к теме предстоящего экзамена.

Издания книг, которыми Набоков пользовался, готовясь к лекциям, выбирались им из соображений дешевизны и доступности студентам. Он невысоко ценил переводы, которыми ему приходилось пользоваться, и, как он сам признавался, зачитывал вслух отрывки из произведений иноязычных авторов в заранее измененном по его собственному разумению виде. {...}¹

¹ Опущен список американских изданий, по которым цитировались рассматриваемые Набоковым произведения, нерелевантный для русского издания лекций. Библиографические сведения об использованных русских переводах см. в персональных разделах настоящего тома. — *Прим. пер.*

Благодарности

Помощь, оказанную нам женой Владимира Набокова Верой и его сыном Дмитрием в период подготовки данной книги, невозможно должным образом оценить на этих страницах. С того момента, как была начата эта работа, они потратили бесчисленное количество часов, консультируя редактора и публикатора буквально по каждому аспекту подготовки текста к печати, терпеливо и неутомимо отвечая на бесконечные вопросы, касавшиеся структуры лекций и стилистических предпочтений Набокова. Их компетентные советы обогатили эту книгу многим, чего она в их отсутствие неизбежно оказалась бы лишена.

Искренней благодарности должны быть также удостоены следующие лица: Элси Албрехт-Кэрри, выпускающий редактор издательской корпорации «New Directions»; Альфред Аппель, профессор отделения английской литературы Северо-Западного университета; Брайан Бойд, профессор отделения английской литературы Оклендского университета; Дональд Д. Эдди, профессор отделения английской литературы Корнеллского университета; Ричард Элман, профессор отделения английской литературы Оксфордского университета; Пол Т. Хеффрон, исполняющий обязанности главы отдела рукописей Библиотеки Конгресса; Кэтлин Джаклин, библиотека Корнеллского университета; Джоанн Макмиллан, Детский благотворительный медицинский центр; Нина У. Мэтисон; Мира Орт; Стивен Ян Паркер, редактор «Vladimir Nabokov Research Newsletter»; и, наконец, Стефани Уэлч, Университет Уэлсли.

Фредсон Бауэрс

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир Владимирович Набоков родился в 1899 году в Санкт-Петербурге в один день с Шекспиром. Семья его — и аристократическая, и богатая — носила фамилию, которая, возможно, происходит от того же арабского корня, что и слово «набоб», и появилась на Руси в XIV веке с татарским князьком Набок-мурзой. С XVIII века Набоковы отличались на военном и государственном поприщах. Дед нашего автора, Дмитрий Николаевич, был министром юстиции при Александре II и Александре III; его сын Владимир Дмитриевич отказался от многообещающей придворной карьеры ради того, чтобы в качестве политика и журналиста принять участие в безнадежной борьбе за конституционную демократию в России. Воинственный и отважный либерал, в 1908 году просидевший три месяца в тюрьме, он жил, не мучаясь предчувствиями, на широкою ногу и держал два дома: городской, в фешенебельном районе, на Морской, построенный его отцом, и загородное имение в Выре, которое принесла ему в качестве приданого жена, происходившая из семьи сибирских золотопромышленников Рукавишниковых. Первому оставшемуся в живых ребенку, Владимиру, по свидетельству младших детей, досталось особенно много родительского внимания и любви. Он был не по летам развит, энергичен, в раннем детстве часто болел, но со временем окреп. Друг дома вспоминал потом «тонкого, стройного мальчика, с выразительным подвижным лицом и умными пытливыми глазами, сверкавшими насмешливыми искорками».

В. Д. Набоков был изрядный англоман; детей учили и английскому, и французскому. Его сын в своей мемуарной книге

«Память, говори»¹ утверждает: «Я научился читать по-английски раньше, чем по-русски»; он вспоминает «череду английских бонн и гувернанток» и «бесконечную череду удобных, добротных изделий», которые «текли к нам из Английского Магазина на Невском. Тут были и кексы, и нюхательные соли, и покерные карты... и в цветную полоску спортивные фланелевые пиджаки... и белые как тальк, с девственным пушком, теннисные мячи...» Из авторов, о которых идет речь в этом томе, первым его знакомцем стал, вероятно, Диккенс. «Мой отец был знатоком Диккенса и одно время читал нам, детям, вслух большие куски из Диккенса, — писал он спустя сорок лет Эдмунду Уилсону. — Может быть, это чтение вслух „Больших надежд“ — дождливыми вечерами, за городом... когда мне было лет двенадцать или тринадцать, отбило у меня охоту перечитывать его в дальнейшем». Именно Уилсон порекомендовал ему в 1950 году «Холодный дом». О своем детском чтении Набоков вспоминал в интервью, опубликованном в журнале «Плейбой». «В возрасте между десятью и пятнадцатью годами в Санкт-Петербурге я прочел, наверное, больше прозы и поэзии — на английском, русском и французском, — чем за любой другой пятилетний период жизни. Особенно я увлекался Уэллсом, По, Браунингом, Китсом, Флобером, Верденом, Рембо, Чеховым, Толстым и Александром Блоком. На другом уровне моими героями были *Скарлет Пимпернел*, *Филеас Фогг*² и *Шерлок Холмс*. Может быть, этим «другим уровнем» и объясняется увлекательная лекция о таком поздневикторианском, запеленутом в туманы образчике готики, как стивенсоновская история о Джекиле и Хайде, несколько неожиданно включенная Набоковым в курс европейской классики.

Французская гувернантка, толстая *Mademoiselle*, подробно описанная в мемуарах, поселилась у Набоковых, когда Владимиру было шесть лет, и хотя «Госпожа Бовари» отсутствует в

¹ Здесь и далее даются ссылки на русскую версию книги «Память, говори» — «Другие берега» — по изд.: *Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т.* СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 5. — *Прим. ред. рус. текста.*

² *Скарлет Пимпернел* — герой одноименного романа английской писательницы баронессы Э. Оркси (1865–1947). *Филеас Фогг* — герой романа Жюль Верна (1828–1905) «Вокруг света в восемьдесят дней». — *Прим. ред. рус. текста.*

списке романов, которые она читала вслух своим подопечным («Ее изящный голос тек да тек, никогда не ослабевая, без единой заминки»), — «всех этих „Les Malheurs de Sophie“, „Les Petites Filles Modèles“, „Les Vacances“»¹ — книга, безусловно, имела в семейной библиотеке. После бессмысленного убийства В. Д. Набокова на берлинской сцене в 1922 году «его одноклассник, с которым он когда-то совершил велосипедное путешествие по Шварцвальду, прислал моей овдовевшей матери томик „Госпожи Бовари“, бывший при отце в то время, с надписью на форзаце его рукой: „Непревзойденный перл французской литературы“ — суждение это по-прежнему в силе». В книге «Память, говори» Набоков рассказывает о том, как читал запоем Майн Рида, ирландца, сочинителя вестернов, и утверждает, что лорнет в руке одной из его мучимых героинь «впоследствии нашел у Эммы Бовари, а потом его держала Анна Каренина, от которой он перешел к Даме с собачкой и был ею потерян на ялтинском молу». В каком возрасте он впервые приник к Флоберову классическому исследованию адюльтера? Можно предположить, что весьма рано; «Войну и мир» он прочел в одиннадцать лет «в Берлине, на оттоманке, в обставленной тяжеловесным рококо квартире на Приватштрассе, глядевшей окнами на темный, сырой сад с лиственницами и гномами, которые остались в книге навсегда, как старая открытка».

Тогда же, в одиннадцать лет, Владимир, прежде обучавшийся только дома, был записан в сравнительно передовое Тенишевское училище, где его «обвиняли в нежелании „приобщиться к среде“, в надменном щегольстве французскими и английскими выражениями (которые попадали в мои русские сочинения только потому, что я валял первое, что приходило на язык), в категорическом отказе пользоваться отвратительно мокрым полотенцем и общим розовым мылом в умывальной... и в том, что при драках я пользовался по-английски наружными костяшками кулака, а не нижней его стороной». Другой воспитанник Тенишевского училища, Осип Мандельштам, называл тамошних учеников «маленькими аскетами, монахами в детском своем монасты-

¹ «Сонины проказы», «Примерные девочки», «Каникулы» (фр.). — Прим. В. Н. в книге «Другие берега».

ре». В изучении литературы упор делался на средневековую Русь — византийское влияние, летописи, — затем, углубленно, Пушкин и далее — Гоголь, Лермонтов, Фет, Тургенев. Толстой и Достоевский в программу не входили. Но по крайней мере один учитель на юного Набокова повлиял: Владимир Гиппиус, «тайный автор замечательных стихов»; в шестнадцать лет Набоков напечатал книгу стихов, и Гиппиус «принес как-то экземпляр моего сборничка в класс и подробно его разнес при всеобщем или почти всеобщем смехе. Был он большой хищник, этот рыжебордый огненный господин...»

Школьное образование Набокова завершилось как раз тогда, когда рухнул его мир. В 1919 году его семья эмигрировала. «Условились, что брат и я поедem в Кембридж, на стипендию, выделенную скорее в компенсацию за политические невзгоды, нежели за интеллектуальные достоинства». Он изучал русскую и французскую литературу, продолжая начатое в Тенишевском, играл в футбол, писал стихи, ухаживал за юными дамами и *ни разу* не посетил университетскую библиотеку. Среди отрывочных воспоминаний об университетских годах есть одно о том, как «ворвался в мою комнату П. М. с экземпляром „Улисса“, только что контрабандой доставленным из Парижа». В интервью для журнала «Пэрис ревью» Набоков называет этого однокашника — Питер Мрозовски — и признается, что прочел книгу лишь пятнадцать лет спустя, с необыкновенным удовольствием. В середине тридцатых годов в Париже он несколько раз встречался с Джойсом. А однажды Джойс присутствовал на его выступлении. Набоков подменял внезапно заболевшего венгерского романиста перед молчаливой и разношерстной аудиторией: «Источником незабываемого утешения был вид Джойса, который сидел, скрестив руки и блестя очками, в окружении венгерской футбольной команды». Еще одна невыразительная встреча произошла в 1938 году, когда они обедали с их общими приятелями Полом и Люси Леон; из беседы Набокову не запомнилось ничего, а его жена Вера вспоминала, что «Джойс спросил, из чего составляется русский „мёд“, и все давали ему разные ответы». Набоков относился холодно к такого рода светским встречам писателей, и несколько раньше, в одном из писем Вере, рассказал о легендарной, единственной и бесплодной встрече Джойса с

Прустом. Когда Набоков впервые прочел Пруста? Английский романист Генри Грин в своих мемуарах «Собираю чемодан» писал об Оксфорде начала двадцатых годов: «Всякий, кто претендовал на интерес к хорошей литературе и знал французский, знал назубок Пруста». Кембридж вряд ли в этом смысле отличался, хотя в студенческие годы Набоков был одержим рускостью: «Страх забыть или засорить единственное, что я успел выцарапать, довольно, впрочем, сильными когтями, из России, стал прямо болезнью». Во всяком случае, в первом опубликованном интервью, которое он дал корреспонденту рижской газеты, Набоков, отрицая какое бы то ни было немецкое влияние на свое творчество в берлинский период, заявляет: «Правильнее было бы говорить о французском влиянии: я обожаю Флобера и Пруста».

Прожив в Берлине больше пятнадцати лет, Набоков так и не научился — по его собственным высоким меркам — немецкому языку. «Я с трудом говорю и читаю по-немецки», — сказал он рижскому корреспонденту. Тридцатью годами позже, в первом записанном на пленку интервью для Баварского радио, Набоков остановился на этом подробнее: «По приезде в Берлин я стал панически бояться, что, научившись бегло говорить по-немецки, я как-то испорчу этим мой драгоценный слой русского. Задача лингвистического ограждения облегчалась тем, что я жил в замкнутом эмигрантском кругу русских друзей и читал исключительно русские газеты, журналы и книги. Мои вылазки в туземную речь ограничивались обменом любезностями с очередными домовладельцами или домовладелицами и рутинными диалогами в магазинах: *Ich möchte etwas Schinken*¹. Теперь я сожалею, что так мало преуспел в языке, — сожалею с культурной точки зрения». Тем не менее с немецкими этномологическими трудами он был знаком еще в детстве, а его первым литературным успехом был перевод песен Гейне, сделанный в Крыму для концертного исполнения. Немецкий знала его жена, и позже с ее помощью он проверял переводы своих книг на этот язык, а для своих лекций о «Превращении» отважился подправлять английский перевод Уиллы и Эдвина Мюир. Нет причин сомневаться в том,

¹ Мне нужно ветчины (нем.).

что до 1935 года, когда было написано «Приглашение на казнь», Набоков действительно не читал Кафку, как он утверждает в предисловии к этому довольно кафкианскому роману. В 1969 году он уточнил в интервью для Би-би-си: «Я не знаю немецкого и поэтому смог прочесть Кафку лишь в тридцатых годах, когда в „La nouvelle revue française“ появилась его „La Métamorphose“¹. Через два года он сказал корреспонденту Баварского радио: «Я читал Гёте и Кафку en regard² — так же, как Гомера и Горация».

Автор, с рассказа о творчестве которого начинаются эти лекции, был последним, кого Набоков включил в свой курс. Историю эту можно подробно проследить по переписке Набокова и Уилсона³. 17 апреля 1950 года Набоков пишет Уилсону из Корнеллского университета, где недавно получил должность преподавателя: «В будущем году я веду курс под названием „Европейская проза“ (XIX и XX вв.). Кого из английских писателей (романы и рассказы) Вы бы мне посоветовали? Мне нужны по крайней мере два». Уилсон отвечает незамедлительно: «Насчет английских романистов: на мой взгляд, два безусловно лучшие (исключая Джойса, как ирландца) — Диккенс и Джейн Остен. Попробуйте перечитать, если не перечитывали, позднего Диккенса — „Холодный дом“ и „Крошку Доррит“. Джейн Остен стоит прочесть всю — даже незавершенные романы у нее замечательны». 5 мая Набоков пишет опять: «Спасибо за советы насчет моего курса прозы. Я не люблю Джейн и предубежден против писательниц. Это другой класс. Никогда ничего не находил в „Гордости и предубеждении“... Вместо Джейн О. я возьму Стивенсона». Уилсон возражает: «Вы ошибаетесь относительно Джейн Остен. Мне кажется, Вам стоит прочесть „Мэнсфилд-парк“... Она, на мой взгляд, один из полудюжины величайших английских писателей (остальные — это Шекспир, Мильтон, Свифт, Китс и Диккенс). Стивенсон — второразрядный. Не понимаю, почему вы им так восхищаетесь, хотя несколько хороших рассказов он написал». Набоков, вопреки обыкновению, капитулировал и 15 мая написал: «Я на середине „Холодного дома“ — про-

¹ «Превращение» (фр.).

² Параллельно с переводом (фр.).

³ См.: The Nabokov—Wilson Letters. Harper and Row, 1978.

двигаюсь медленно, потому что делаю много заметок для обсуждения на уроках. Отличная вещь... Приобрел „Мэнсфилд-парк“ и думаю тоже включить его в курс. Спасибо за чрезвычайно полезные предложения». Через шесть месяцев он не без ликования сообщал Уилсону: «Хочу отчитаться за полсеместра в связи с двумя книгами, которые Вы порекомендовали мне для занятий. Для „Мэнсфилд-парка“ я велел им прочесть произведения, упоминаемые персонажами, — две первые песни из „Песни последнего менестреля“, „Задачу“ Купера, отрывки из „Генриха VIII“, из „Праздного“ Джонсона, Брауна „Обращение к табаку“ (подражание Попу), „Сентиментальное путешествие“ Стерна (весь кусок с дверями без ключа и скворец) и, конечно, „Обеты любви“ в неподражаемом переводе миссис Инчболд¹ (умора)... Кажется, я получил больше удовольствия, чем мои студенты».

В первые берлинские годы Набоков зарабатывал на жизнь частными уроками, преподавая пять весьма несхожих дисциплин: английский и французский языки, бокс, теннис и стихосложение. Позже публичные чтения в Берлине и других центрах эмиграции, таких как Прага, Париж и Брюссель, приносили ему больше денег, чем продажа его русских книг. Так что, несмотря на отсутствие ученой степени, он был отчасти подготовлен к роли лектора, когда перебрался в 1940 году в Америку, и вплоть до выхода «Лолиты» преподавание было основным источником его дохода. Первый цикл лекций, разнохарактерных по тематике, — «Неприукрашенные факты о читателях», «Век изгнания», «Странная судьба русской литературы» и т. д. — он прочел в 1941 году в колледже Уэлсли; одна из них, «Искусство литературы и здравый смысл», включена в этот том. До 1948 года он жил в Кембридже (Крейги-серкл, 8 — самый долговременный

¹ «*Песнь последнего менестреля*» — поэма Вальтера Скотта (1771–1832). «*Задача*» — поэма английского поэта Уильяма Купера (1731–1800). «*Генрих VIII*» — пьеса Шекспира. «*Праздник*» — серия эссе английского критика, лексикографа и поэта Сэмюэла Джонсона (1709–1784) в «Еженедельной газете» за 1758–1760 гг. «*Обращение к табаку*» (1797) английского поэта Хоккинса Брауна содержит подражание разным поэтам, в том числе Александру Попу (1688–1744). «*Обеты любви*» — английская версия пьесы немецкого драматурга Августа Коцебу (1761–1819) «Дитя любви». Наибольшей популярностью пользовался перевод, сделанный писательницей Элизабет Инчболд (1753–1831). — *Прим. ред. рус. текста.*

из его адресов, до гостиницы «Палас» в Монтре, которая стала в 1961 году его последним приютом) и совмещал две академические должности: преподавателя в колледже Уэлсли и научного сотрудника-энтомолога в Гарвардском музее сравнительной зоологии. В те годы он работал неимоверно много и дважды попадал в больницу. Помимо внедрения элементов русской грамматики в умы юных учениц и размышлений над миниатюрными структурами гениталий бабочек, он складывался как американский писатель, опубликовав один за другим два романа (первый был написан по-английски в Париже), эксцентричную и остроумную книгу о Гоголе, полные изобретательности и энергии рассказы, стихи, воспоминания в журналах «Атлантик мансли» и «Нью-Йоркер». Среди все умножавшихся поклонников его англоязычного творчества был Моррис Бишоп, виртуозный поэт в легком жанре и глава романского отделения Корнеллского университета; он предпринял успешную кампанию по переводу Набокова из Уэлсли, где его работа была и ненадежна, и плохо оплачиваема. Как явствует из воспоминаний Бишоп¹, Набоков был назначен доцентом отделения славистики и сперва «читал промежуточный курс русской литературы и спецкурс повышенной сложности — обычно по Пушкину или по модернистским течениям в русской литературе. (...) Поскольку его русские группы неизбежно были малы, а то и невидимы, ему дали английский курс мастеров европейской прозы». Сам Набоков вспоминал, что курс «Литература № 311–312» среди студентов именовался «Похаблит», каковое прозвище досталось ему по наследству «от предшественника, грустного, мягкого, крепко пившего человека, которого больше интересовала половая жизнь авторов, чем их книги».

Бывший слушатель его курса Росс Уэцстеон напечатал в том же выпуске «TriQuarterly» теплые воспоминания о Набокове-лекторе. «„Caress the details“ („Ласкайте детали“), — возглашал Набоков с раскатистым „г“, и в голосе его звучала шершавая ласка кошачьего языка, — божественные детали!» Лектор настаивал на исправлениях в каждом переводе, чертил на доске забав-

¹ TriQuarterly. № 17 (Winter 1970). (Специальный выпуск, посвященный семидесятилетию В. Н.)

ную диаграмму и шутливо умолял студентов «перерисовать ее в точности как у меня». Из-за его акцента половина студентов писали «эпидраматический» вместо «эпиграмматический». Уэцстеон заключает: «Набоков был замечательным учителем не потому, что хорошо преподавал предмет, а потому, что воплощал собой и пробуждал в учениках глубокую любовь к предмету». Еще один одолевший «Литературу №311–312» вспоминал, что Набоков начинал семестр словами: «Места пронумерованы. Прошу вас выбрать себе место и держаться его, потому что я хочу увязать ваши лица с вашими фамилиями. Все довольны своими местами? Хорошо. Не разговаривать, не курить, не вязать, не читать газет, не спать и, ради бога, записывайте». Перед экзаменом он говорил: «Одна ясная голова, одна голубая тетрадь, думайте, пишите, не спешите и сокращайте очевидные имена, например госпожа Бовари. Не приправляйте невежество красноречием. Без медицинской справки посещение туалета воспрещается». Лекции его были электризирующими, полными евангелического энтузиазма. Моя жена, прослушавшая последние курсы Набокова — в весеннем и осеннем семестрах 1958 года, перед тем как, внезапно разбогатев на «Лолите», он взял отпуск, из которого уже не вернулся, — настолько попала под его обаяние, что на одну из лекций пошла с высокой температурой, а оттуда напрямик угодила в больницу. «Я чувствовала, что он может научить меня читать. Верила, что он даст мне что-то такое, чего мне хватит на всю жизнь, — так оно и случилось». До сих пор она не может всерьез воспринимать Томаса Манна и ни на йоту не отступила от догмы, усвоенной на «Литературе № 311–312»: «Стиль и структура — это сущность книги; большие идеи — дребедень».

Но даже такое редкостное существо, как идеальный набоковский студент, могло стать жертвой его проказ. Наша мисс Раггс, юная, двадцатилетняя, подошла в конце занятия взять из общей кучи свою экзаменационную тетрадь с оценкой и, не найдя ее, вынуждена была обратиться к преподавателю. Набоков возвышался на кафедре, рассеянно перебирая бумаги. Она извинилась и сказала, что ее работы, кажется, нет. Он наклонился к ней, подняв брови: «А как вас зовут?» Она ответила, и со стремительностью фокусника он извлек ее тетрадь из-за спины. На тетради стояло «97». «Я хотел посмотреть, — сообщил он ей, — как вы

глядит гений». И холодно оглядел ее, залившуюся краской, с головы до ног; на этом их беседа закончилась. Она, между прочим, не помнит, чтобы курс назывался «Похаблит». В кампусе его называли просто «Набоков».

Через семь лет после своего ухода Набоков вспоминал этот курс со смешанным чувством:

«Мой метод преподавания препятствовал подлинному контакту со студентами. В лучшем случае они отпрыгивали на экзамене кусочки моего мозга. (...) Я тщетно пытался заменить свое физическое присутствие на кафедре магнитофонными записями, проигрываемыми по радиосети колледжа. С другой стороны, меня очень радовали одобрительные смешки в том или ином уголке аудитории в ответ на то или иное место моей лекции. Наивысшее вознаграждение для меня — письма бывших студентов, в которых они сообщают спустя десять или пятнадцать лет, что теперь им понятно, чего я от них хотел, когда предлагал вообразить неправильно переведенную прическу Эммы Бовари или расположение комнат в квартире Замзы...»

Не в одном интервью из тех, что вручались журналистам на карточках 3 × 5 дюймов в «Монтре-Паласе», говорилось о будущей книге корнеллских лекций, но проект этот (наряду с другими книгами, находившимися в работе, такими как иллюстрированный трактат «Бабочки в искусстве» и роман «Оригинал Латуры») к моменту смерти великого человека летом 1977 года все еще висел в воздухе.

Теперь, к счастью, эти лекции перед нами. И все еще хранят запахи аудитории, которые авторская правка могла бы смыть. Ни читанное, ни слышанное о них прежде не может дать представления об их обволакивающей педагогической теплоте. Молодость и женственность аудитории каким-то образом запечатлелись в настойчивом, страстном голосе наставника. «Работа с вашей группой была необычайно приятным взаимодействием между фонтаном моей речи и садом ушей — иных открытых, иных закрытых, чаще — восприимчивых, иногда чисто декоративных, но неизменно человеческих и божественных». Нам много цитируют — так читали вслух молодому Владимиру Владимировичу его отец, мать и Mademoiselle. Во время этих цитирований мы должны вообразить акцент, театральную мощь дородного

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Фредсон Бауэрс. Предисловие редактора</i> <i>Перевод С. Антонова</i>	5
<i>Джон Андайк. Предисловие. Перевод В. Гольшева</i>	17

Лекции по зарубежной литературе

О хороших читателей и хороших писателях <i>Перевод М. Мушинской</i>	33
ДЖЕЙН ОСТЕН (1775–1817) «Мэнсфилд-парк» (1814). <i>Перевод И. Бернштейн</i>	43
ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС (1812–1870) «Холодный дом» (1852–1853). <i>Перевод В. Кулагиной-Ярцевой</i>	107
ГЮСТАВ ФЛОБЕР (1821–1880) «Госпожа Бовари» (1856). <i>Перевод Г. Дашевского</i>	183
РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН (1850–1894) «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1885) <i>Перевод Н. Кротовской</i>	241
МАРСЕЛЬ ПРУСТ (1871–1922) «В сторону Свана» (1913). <i>Перевод Г. Дашевского</i>	275
ФРАНЦ КАФКА (1883–1924) «Превращение» (1915). <i>Перевод В. Гольшева</i>	321
ДЖЕЙМС ДЖОЙС (1882–1941) «Улисс» (1922). <i>Перевод Е. Касаткиной</i>	363
Искусство литературы и здравый смысл <i>Перевод Г. Дашевского</i>	460
<i>L'Envoi. Перевод М. Мушинской</i>	474

Набоков В.

Н 14 Лекции по зарубежной литературе / Владимир Набоков ; пер. с англ. С. Антонова, И. Бернштейн, В. Гольшева и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 480 с. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-21349-4

В «Лекциях по зарубежной литературе», впервые опубликованных в 1980 году, крупнейший русско-американский писатель XX века Владимир Набоков предстал перед своими поклонниками, знавшими его главным образом как виртуозного художника слова, в иных, порой неожиданных ипостасях: вдумчивого читателя, пронизательного, дотошного и при этом весьма пристрастного исследователя, темпераментного и требовательного педагога. В основу книги положен лекционный курс «Мастера европейской прозы», подготовленный для студентов Корнеллского университета, где писатель преподавал в 1940–1950-е годы. На страницах этого тома Набоков-лектор дает своей аудитории превосходный урок «пристального чтения» произведений Джейн Остен, Чарльза Диккенса, Гюстава Флобера, Роберта Льюиса Стивенсона, Франца Кафки, Марселя Пруста и Джеймса Джойса.

УДК 82(091)

ББК 83.3(0)

Литературно-художественное издание

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ НАБОКОВ

ЛЕКЦИИ
ПО ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 12.05.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 30. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFB-30293-01-R